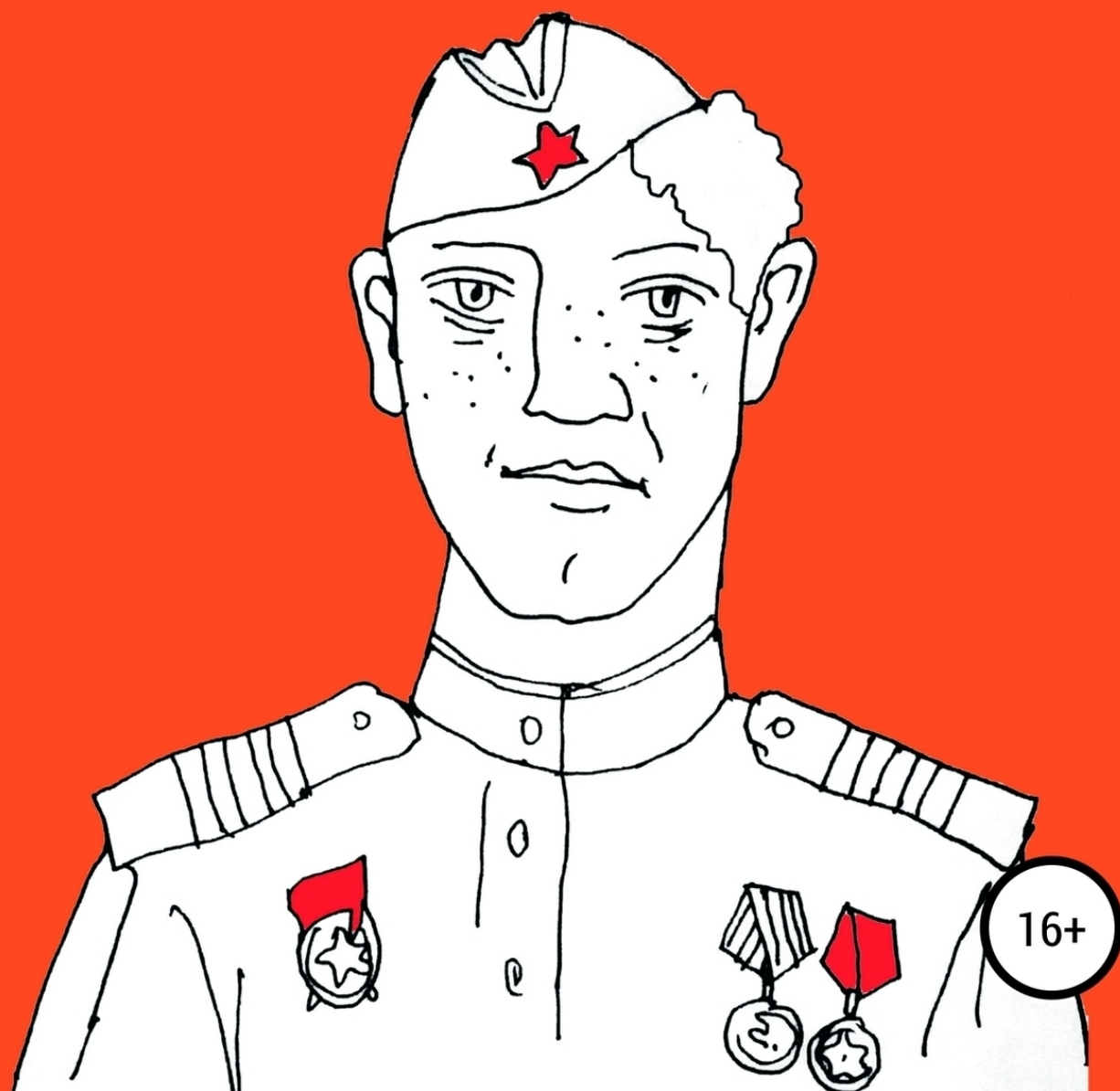


Сергей Прокопьев

# ВОЙНА И МИР ПЕТРА РЫБАСЯ



16+

Сергей Прокопьев  
**Война и мир Петра Рыбася**

«ЛитРес: Самиздат»

2005

## **Прокопьев С. Н.**

Война и мир Петра Рыбася / С. Н. Прокопьев — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Герой повести – воин Великой Отечественной. Универсальный солдат, он мог делать всё. Надо зарыться в землю, построить землянку – не проблема. Некому сесть за руль, Петру Рыбасю и это знакомо, до войны кем только не поработал, в том числе трактористом, комбайнёром. Военная специальность – радист, воевал в разведке. Думал, заговорён, три года на передовой без серьёзных ранений. Но в январе сорок пятого лишился в Германии ног. В госпитале был на грани самоубийства – как жить калекой парню в двадцать два года? Но прожил такую яркую и насыщенную жизнь – на троих бы хватило.

## Содержание

ВОЙНА И МИР ПЕТРА РЫБАСЯ	5
Мемуары дятлом	5
Встреча ветеранов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

# ВОЙНА И МИР ПЕТРА РЫБАСЯ

## Повесть в рассказах

### Мемуары дятлом

– Купи печатную машинку! – огорошил отец Елену.

– Ты чё, пап?

Печатанье лучше, чем пиво варить, но ведь блажь. Врач после инфаркта огорчил деда: бражка, сказал, голимый яд для сердечной мышцы. На что изошрённая голова ветерана придумала выход – домашнее пиво. Оно потому и пиво, что не бражка. Значит, вреда никакого. Дед засел за литературу. Параллельно заказал Елене ячмень достать и хмель для варки солода. На то и папина дочь, чтобы почуять: от самодельного пива до бражки один шаг, и он будет совершен. Уже слышала комментарии рецептов: «Так, дрожжей, конечно, надо больше класть». Для разминки пиво из сухого кваса сварил. Хоть ложкой хлебай получилось. Желеобразное. Но в плане градусов вовсе не кисель – кривое.

Хорошо, врач (по тайной наводке Елены) лично познакомился с варевом и наложил вето на пивной порыв.

Печатная машинка не грозила ядовито сердцу, но ведь бред с напрасной тратой денег. Юлька растёт, хоть гири к рукам-ногам привязывай: в третьем классе, а уже метр пятьдесят шесть. Опять к зиме всё новое покупать...

– Юлька заодно научится, – приводил дед аргументы. – И почему, как нужно мне бумагу официальную сделать, должен на поклон идти? Чё, рук у меня нет?

Тяга к машинописи имела и подводный смысл – дед Петро лелеял под сердцем мечту о мемуарах.

Было что изобразить из боевого и мирного пути. Инфаркт подтолкнул к творчеству. «Приголубил, расстреляй меня комар!» – говорил ветеран. В госпитале понял: не вечный он, надо для истории семьи написать о своём житье-бытье. Елене сколько рассказывал, ничего толком не запало. Раньше, когда ещё в частном доме жили, зимой частенько электричество отключали, тогда всей семьёй усаживались у печки, и он начинал вспоминать войну, детство. А сейчас, что ни спросишь у дочери, плечами пожимает или отмахнётся: оно, дескать, надо, когда без того забот полон рот? Юлька и подавно не знает. Своим детям про деда что расскажет? Безногий был да повторял «расстреляй меня комар»? Нет, надо печатать.

Елену как-то спросил:

– Помнишь тётку Анисью?

– Как такую певунью забыть!

– А то, что в голодный тридцать третий, когда с Украины в Россию переезжали, мать её в чемодан положила?

– Зачем?

– Жрать нечего было, думала, может, задохнётся? Помнишь, я рассказывал?

– К чему эти кровавые ужасы?

Дед Петро не знал к чему.

– Но ведь это, расстреляй меня комар, наша семья! – злился.

– Да ну тебя.

И рассказы о дважды Герое Советского Союза Володьке Подгорбунском через пень-колоду помнит дочь. А ведь поучительные рассказы, рядом с Володькой научился «пан или пропал» в критические минуты. В мирной жизни сколько раз по-Володькиному шёл напролом.

Когда надо было, как на танк с гранатой, остановишь – живой, нет – гусеницами в лепёшку раздавит.

Командир корпусной разведки капитан Подгорбунский страха не знал. Раз на «виллисе» вчетвером на летучую разведку поехали. Речушка по карте. Они к ней выскакивают, а там рота немцев купанием освежается. С арийских телес русскую пыль смывают.

– Вперёд! – кричит шофёру Подгорбунский. – Дави автоматчиков!

Трое на берегу со «шмайссерами» загорали. Полетели разведчики прямо под огонь. А ведь не горохом стреляли по «виллису», не бумагой жёваной. Подгорбунский на ходу положил фашистов. Раньше купальщиков успели к их одежде, главное – к оружию. Немцы опешили – думали: наступление, за «виллисом» основные силы повалят. Пленили нахрапом роту. А куда её девать? Разведздание требует за реку сгонять. Ну, не отпускать же фрицев. Сколько ещё наших пострелять могут. И тогда Подгорбунский даёт немецкому командиру пулемёт и говорит, немного знал их язык: расстреляешь подчинённых, будешь жить. И тот голых до одного положил!

– Дай, я его гада с этого же пулемёта! – Петро всего перевернуло.

– Стоять! Берём с собой, язык не помешает!

Потом лишь звёзды дважды Героя Советского Союза спасли Подгорбунского от трибунала. Петро тоже потаскали особисты: почему пленных расстреляли?

– А покажи мы немцам хвоста? – говорил, анализируя стычку с противником, командир разведчиков. – И задание бы провалили, и погоню получили. Видал, как тот по своим из пулемёта! Нас подавно за милую душу.

После войны, в сорок шестом, Петро сказал родным: «Нечего на Украине сидеть-высидеть, поехали в Омск, там у меня невеста». Сорвал семью с места. Отца, мать, сестёр. Ту же Анисью из чемодана. К тому времени она уже в сундук не помещалась – гарный подросток вышел. В Москве Петру и Анисье дают плацкарты, остальным – нет. Наплевать, что фронтовик на протезах. Сам поезжай, а родственники хоть по шпалам две тысячи километров. На вокзале убийственное столпотворение. Недельку посередине его сидят, вторую. С боем из Украины выбрались, а в Москве даже родственников нет. И ни вперёд за счастьем, ни назад к своим баранам вернуться. И так обидно стало. Сидит комендант вокзала, сволочь, его бы в сорок четвёртом на линию Принца Евгения. В ярость пришёл Петро и двинул штурмом. Прорвался в кабинет, размахивая палочкой, схватил коменданта за грудки, из-за стола вырвал, прибежал какой-то помощник, за руки хватает, Петро его отшвырнул к порогу.

– Убью! – дышит злобой в полковника. – Никакая охрана не поможет! Зарежу. Мне твоя жизнь – тьфу и растереть, а своей семье пропасть из-за тебя, борова, не дам!

Комендант решил – себе дороже с таким сумасшедшим связываться...

В сорок четвёртом прорывали линию укреплений Принца Евгения. Немцы окопались, не выкурить. На всём пространстве, где какие пути-дорожки, нарыли ям, бетонными колпаками накрылись и, как у Христа за пазухой, поливают оттуда из пулемётов русских солдатиков. Наши танки идут с пехотой на броне, ту косят и косят. Без пехоты какое наступление?

Разведка тоже участвовала в прорыве. Застряли у одного стреляющего колпака. Раз сунулись – открывай счёт потерям, два – увеличивай число павших... Ординарца Подгорбунского убили... Командир по радиации кричит: «Вперёд!» А куда? Тогда Подгорбунский рассвирепел, вырвал у автоматчика сапёрную лопатку, прыгнул с танка и напролом. Не совсем в лоб, чуть стороной обошёл колпак, ворвался внутрь и сапёрной лопаткой порубал пулемётчиков.

– Володька, ты сумасшедший! – говорил Петро. – Под пули полез!

– Нормальному похоронку домой бы отправили. Заодно с тобой.

В Омске в госпитале летом сорок пятого Петро организовал папиросную бригаду. Ходячий Вася Пацаев покупал на базаре комплектующие для производства, вдвоём с Петро наби-

вали папиросы, мальчонку Стасика привлекли для реализации. Выгодно дело пошло. Петро – начальник бригады и казначей. Копил денежку для выхода из госпиталя.

Был ещё без протезов. А хочется после войны и надоевших госпиталей город посмотреть, людей гражданских. Среди раненых всякие умельцы. Деревянный ящик от вермишели приспособили под инвалидную коляску, поставили на колёсики из берёзового чурбачка напиленные. Не больно красивая, зато ездит. Из госпиталя так просто погулять не выберешься – врачи запрещают. Благо, не тюрьма, решёток на окнах нет. Дружки на простыне со второго этажа опустили коляску. Вторым заходом Петро доставили на землю. Из верхней одежды только кальсоны на нём. Да не на бал.

Катается воин по улице... Женщины в платьях красивые ходят, мужчины в мирных брюках. Лошадь подковами процокает, машина моторными звуками огласит пейзаж с домами и деревьями...

Вдруг к Петро пацан подбегает:

– Дяденька, вашего Стасика схватили, папиросы порвали! Дядю Васю скрутили, руки назад заломали.

– Кати меня туда! – командует разведчик.

Не успели разогнаться, навстречу двое ведут Васю под руки. Один в форме лейтенанта милиции, другой в гражданском, но крепыш будь здоров. У Петро после очередной операции швы ещё не сняли, да некогда о них печься. Прыгнул из ящика на здоровяка гражданского. «Прямо как чёрт из подворотни!» – смеялся над собой впоследствии. Повалил здоровяка и давай кулаком отделять. Одной рукой за грудки держит, другой по всей физиономии молотит. Будешь знать, как увечных обижать! Вася в свою очередь с лейтенантом сцепился. Бой открылся посреди улицы. Народ за безногого болеет:

– Бей его, бей! Это начальник милиции!

Ничего себе кто под гражданским костюмом оказался! Да Петро наплевать. Камень схватил для усиления воспитательного эффекта. Вовремя санитары прибежали, забрали разведчика. Вася убежал.

В госпиталь милиция редко совалась. У отчаянных фронтовиков-инвалидов и оружие имелось. Если в тарасобульбовской Запорожской Сечи за убийство товарища убийцу заживо хоронили в одной могиле с жертвой преступления, то в госпитале за воровство одноногого могли отволтузить костылями так, что вторую ногу приходилось отнимать ради спасения остального туловища. Милиции Петро тоже бы не отдали. Врачи в таком случае покрывали: «У нас одни лежачие».

Многое мог дед Петро написать. Подгорбунскому планировал отвести отдельную главу. Год воевали бок о бок, запал в душу, как мало кто иной.

Всегда отличался Петро чётким почерком, после инфаркта каракули выходят, хоть плачь. Не было в пальцах уверенности авторучку держать. Издевательство, а не воспоминания получают. На машинке как бы хорошо. Опять же прошение на новую автомашину губернатору напечатать. А то тянут и тянут. Он единственный в городе ветеран остался, кто сам за рулём сидит.

Месяца два обрабатывал Елену. Сдалась.

Соседка работала секретарём-машинисткой, помогла приобрести б/у электрическую. И учебник «Машинопись и делопроизводство» дала напрокат. В нём упражнения, рисунок клавиатуры, поделённой на зоны, где какой палец должен плодотворно давить, не мешая соседним. Дед Петро заставил Елену сектора клавиатуры разноцветной плёнкой разметить. Сделала дочь согласно книжке, а ученик – дальтоник. Зелёное и красное – одним миром мазано. И клавиатура не светофор, в котором по счёту можно определять: стоп-свет горит или езжай по своим нуждам.

Слабости организма не остановили ветерана, засел вместе с ними за машинку. И никаких себе поблажек: если уж учиться – так не одним пальцем клопов давить, а на весь отпущенный природой потенциал – от мизинца до большого на обеих руках. Вон соседка: вроде чуть шевелит пальчиками, а печатает, как из пулемёта, и языком при этом чешет – не угонишься. На машинку вообще не глядит. Дед Петро также хотел творить мемуары, чтобы чуть растопырил пальцы над клавиатурой – и пошла строчить губерния.

– Где столько слов наберёшь? – пыталась урезонить дочь.

– Да у меня воспоминаний в голове, – проговорился ветеран (про мечту о мемуарах молчал как партизан), – на десять лет хватит.

Приспособил трёхногую табуретку под тумбу для печатного агрегата. С бортов укрепил листами фанеры. Слева приспособил поупитр из жести – учебник с упражнениями ставить. Ладненько получилось. Но высоко.

– Обрежь ножки у табуретки! – Елена посоветовала.

– Вдруг промажу в сторону лишка.

Пока Елена отсутствовала, с помощью физики – рычага – и родственной поддержки – Юльки – подсунул под ножки дивана чурбачки. Одно плохо – забираться стало труднее. Это не ногастому: раз – и на месте назначения, однако приноровился к высотным трудностям, одолел. Но попробовал – опять неудобно. На этот раз машинка низко, нависаешь над ней с дивана, как нырять собрался. Дед Петро подумал-подумал и смастерил подставку под табуретку, оптимизировал уровень рабочего места.

После чего приступил к самообучению. Да так упорно, что не хуже Михайло Ломоносова. Денно и ночью стучал по буквам и знакам препинания, отрываясь лишь поспать и поесть. Сколько времени тратил на сон Ломоносов, не знаю, дед Петро чуть утром глаза продерёт, сразу тук-тук, тук-тук... Даже курил параллельно долбёжке. Новости по телевизору с руками над клавиатурой воспринимал.

Хорошо, своя комната.

Хорошо-то хорошо, да это не значит, что в других частях квартиры тишина. Замучил домашних не хуже, чем когда гармошку тиранил с учебной целью. Хуже! Там хоть от музыки звуки... Не всегда мелодичные, да всё не такие...

– Дед, – Юлька иронизировала, – ты как дятел на уборке урожая!

– А сама-то!

Это дед зря. Юлька двумя пальцами справлялась с упражнениями шустрее, чем он всей обоймой.

– С двумя пальцами кто тебя возьмёт на работу?

– А ты макаронины печатаешь!

Было такое. Дед поначалу клавишу пробела не признавал.

И шлёпал сплошняком строчки от края листа до края.

– Опять «стиральную доску», – так окрестила отцовские художества Елена, – нафуговал!

– После научусь, – отмахивался курсант.

Потом пришлось переучиваться: рефлекс беспробельный не вышибешь, засел в склерозной голове. Чуть забудется – полезла «макаронина»...

Наконец, дед Петро, кроме тренировочной с утра до вечера стукотни, начал подступаться к творческой части. Первым пунктом мемуаров поставил «Новый 1943 год».

Праздник вышел достойный пера машинки.

Калининский фронт. Петра только что взяли в разведку дивизиона вместо убитого радиста. А там ребята подобрались... Эх, хватило бы слов описать. Естественный отбор, с гнильцой не держались. Разведчики то и дело ныряли в тыл к немцам проверять координаты целей. Чтобы «катушам» не пустоту перепыхивать.

Тридцать первого декабря 1942 года в честь праздничка сделали удачный рейд. Вернулись. А снег валил, как в сказке довоенной. Идёт и идёт, идёт и идёт. Тогда как до передовой от этой сказки рукой подать. Но разведчики Новый год запланировали встретить не с автоматами в руках. Консервы американские на закуску имелись в заначке, шоколад трофейный – не только языков таскали от немцев.

Стрелка часов торопится к застолью, и вдруг отставить мечты о земных радостях. По рации приказ: разведчикам срочно проследовать в село с обидным для женщин названием Бабаеды, в штаб дивизиона. День предновогодний выдался такой, что часов двадцать на ногах, и вот отдых вместе с праздником побоку.

До Бабаедов десять километров. Дороги никакой. Откуда снегоуборочной технике взяться? Снег по пояс. Рыхлый, даже на лыжах тяжело. Хорошо, отец у Петра был лёгок на подъём. До войны, кроме родной Украины, где только не жил с семьёй. И под Читой на золотом прииске, и на Урале. Было где Петру освоить лыжную технику. На лыжне кацапам мог фору дать.

Затемно пришли в Бабаеды. Там ЧП. Часового от штаба украли. Штаб не дом с колоннами и флагом на крыше, походный – машина грузовая, фанерой крытая. В ней знамя дивизиона. И такой позор на голову гвардейцев-ракетчиков. Сверхсекретные части, строго-настроено никому – свой не свой, военный или гражданский, солдат или генерал других войск – ни слова нельзя рассказывать о специфике войск. И вообще: посторонним вход воспрещён в расположение части. На каждой «катюше» специальная взрывчатка. В критический момент уничтожай, чтобы винтика врагу не досталось. А тут часового от штаба, как барана, украли. Только что стоял, только что ходил, а вот – исчез с концами. Получи, русский Иван, новогодний подарок от фрицев.

– Найти! – командир приказывает.

Когда шли в штаб, надеялись – ничего серьёзного. Думали обогреться снаружи и, по возможности, изнутри. Вместо праздника наглое воровство.

– Где хотите ищите! – командир грозным голосом, будто они немцев проворонили. – На то вы и разведчики!

Сам злее злого. Часового из-под носа умыкнули. Как ещё не «катюшу»...

Немцы, конечно, не по воздуху за языком пожаловали. Значит, не могли не наследить. Разведчики принялись искать вход и выход охотников за живым товаром. Дали круг. Есть. Ракетчикам-миномётчикам лыжи ни к чему, только разведка пользовалась деревянным средством передвижения. А тут посторонние. Трое вошли, тогда как на выходе плюс ещё один. На лыжи горемыку украденного поставили или положили.

Уже хорошо – исходные данные есть, можно идти по следу.

А снег сыплет и сыплет. И Новый год приближается вместе с линией фронта. Миновали её по фрицевской лыжне и прямёхонько к трём землянкам на опушке редкого леса выкатили. Как всегда, у немцев чин-чинарём: огонёк льётся, по прочищенной дорожке часовой ходит.

– Петро, – приказывает командир, – снять часового!

Хорошенькое дельце. Петро на ключе работает любо-дорого посмотреть и послушать. Год на фронте, но ни одного немца грудь в грудь не убил. Ракетчики не пехота. Теорию, конечно, от спецов разведдела слышал... Да то теория... И вот «снять». Это не шапку с головы – раз и готово. Как?

Да не тот момент инструкцию запрашивать у командира. Надо действовать. Оружия у Петра сколько хочешь: автомат, гранаты, нож. Но шуметь нельзя.

– Есть, – шёпотом отвечает.

Что хорошо, снег сыроватый. До этого морозы под двадцать пять градусов донимали, тут потеплело. Снег не скрипит, не выдаёт тайный манёвр. Подбирается Петро к врагу, вопрос «как снимать?» без ответа сидит в голове.

Часовой хоть и немец, а не меньше украденного красноармейца лопух. Понуро ходит туда-сюда, что по сторонам делается, не смотрит. Под русский снежок о фатерлянде с фрау под ёлкой размечтался.

Петро подкрался к маршруту противника и, как только немец прошествовал мимо, тигром ему на спину...

Силушки Петру не занимать. Перед войной в колхозе хлеб с поля возил. Комбайн идёт, на нём под бункером стоит дивчина, зерно в мешок насыпается, она завязывает и сталкивает на поле, а сзади Петро на низкой подводе, хватить мешок одной рукой и на телегу, хватить и на телегу. Мешок такой, что двумя руками надо поднапрячься забросить, он одной на ходу. Комбайнёр не так себе – самый что ни на есть передовик-ударник – работает и работает, а Петро закидывает и закидывает. Только и отрада отдохнуть, когда комбайн сломается...

Прыгнул Петро на часового и за горло. Такой избрал вариант снятия. Немец икнул, обмяк. Мгновенно Петро обесточил врага. Но пальцы на горле сам разжать не смог. Ребята помогли. И быстренько забросали две землянки гранатами, в третью ворвались с ответным новогодним поздравлением.

Пока Петро подкрадывался к часовому, разведчики смекнули, какая землянка командирская. Та, что собой добротнее, вокруг которой снег чище убран. Субординация по всем немецким параметрам соблюдена. Тем и выдал себя немец. Заскакивают красноармейцы в землянку, там часовой-однополчанин со спущенными штанами к лавке привязан. Из него данные выбивают, несмотря на праздничную ночь.

Разведчики ножами разобрались с дознавателями. Часовому-растяпе со своей стороны добавили ремнём по тому же исполосованному месту:

– Это тебе за ротозейство!

А он плачет от радости:

– Спасибо, ребята!

Забрали документы и обратно в часть. По дороге Петро бросил взгляд на своего первого убитого немца. Его засыпало снегом...

Шестьдесят лет прошло, а стояла та новогодняя ночь перед глазами до минутки. Творческая интуиция мемуариста сладко подсказывала: эх, хорошая глава воспоминаний выйдет! Скорее бы научились пальцы бабочками порхать над клавиатурой.

Пока что, как червяки, ползали. Соседка-машинистка, не глядя в клавиатуру, вслепую печатает. Он, глядя, вслепую. Это в разведке в темноте без фонарика видел, сейчас при белом свете буквы сливаются. И реакция не та... Много факторов тормозило достижение намеченной мемуарной скорости. Тогда как Юлька по-прежнему играючи двумя пальцами обгоняла.

– У тебя мизинцы слабые, тренируй! – ругался дед.

Мечтая о допрофессии для внучки, стал подумывать: неплохо бы диктовать ей воспоминания, раз такая шустрая. Но сам не сбавил обороты терзания машинки и домашних. И, смотря правде в глаза, надо сказать: долбился курсант не на одном месте. Успехи проклюнулись. Даже соседка-машинистка похвалила.

– А як же! – выпятил грудь самодеятельный печатник.

Кроме сухих упражнений учебника, стал всю мемуарные задания перед собой ставить.

В тот раз предавал бумаге эпизод гибели Подгорбунского. «Сколько ребят полегло в Польше на Сандомирском плацдарме! – бледно печатала машинка. А у курсанта комок в горле от появляющихся строк: – Чистое место, немцы простреливают каждый бугорок из всех орудий. Голову целой не поднять. Одна атака захлебнулась, другая... И вдруг Володька Подгорбунский вскакивает в «виллис». Кричу ему: “Товарищ капитан, куда?..”»

«На что надеялся с такой наглостью? – думал потом всю жизнь Петро. – Зачем, голова горячая, полез?»

Печатник, захваченный воспоминаниями, в грохоте разрывов, вое мин, треске пулемётов дошёл до вопроса-крика «куда?». И не успел рассказать о том, как очередь скосила героя. В кульминационный мемуарный момент от долбёжки по клавишам учебник сорвался с пюпитра.

– Куда? – бросился ловить книжку курсант.

И толкнул локтем машинку. Сооружение, на коем она возвышалась – та самая табуретка на подставке, – опасно накренилось...

– Расстреляй меня комар! – закричал дед под грохот уже не в Польше...

Когда вбежала Елена, «расстреляй» состоялся по полной программе. На полу валялась дымящаяся машинка...

Вызванный мастер осмотрел останки.

– Ремонтить бесполезно, – поставил убийственный диагноз. – Дешевле подержанную портативную купить. Могу поспособствовать.

– Надо подумать, – сказал дед Петро.

– Чё думать? Чё думать? – ругалась Елена. – Хватит! Дай отдохнуть. Живём, как у молота с наковальней. День-деньской дырку в голове долбишь...

И как рада была, когда на следующий день отец, вернувшись от дружка, сказал:

– Нет, не будем портативную покупать!

– Правильно, – поддержала Елена. – На кой она!

После чего радость улетучилась.

– Надо компьютер брать. Солодовниковы купили. Небо и земля с машинкой. Вот на чём любо-дорого работать... Исправляй сколько влезет, не надо всякий раз долбить по новой и бумагу тратить. Обработал до последней заковыки, потом печатай. А буквы на экране по глазам, какой хошь величины, настраивай! И Юлька научится...

Шёл разведчику семьдесят восьмой год.

## Встреча ветеранов

Ветераны сошлись на встречу в гараже. Не было дежурных гвоздик, знамён и медной музыки духовых музыкантов. И воинов раз-два и никого больше – двое. Старшему, Петру Рыбасю, без пяти минут семьдесят девять со дня рождения, другому, Жене Сурину, без пяти минут двадцать один перевалило. Такая возрастная статистика. Но сидели на равных.

– Жека, ты же, расстреляй меня комар, не курил! Тебя в пример пацанве всю дорогу ставил.

– В Чечне после первого боевика начал, – затянулся сигаретой юный ветеран. – Сидим в палатке, завтракаем, как резанёт живот по туалетной надобности. Отбежал чуть от палатки, штаны не успел снять, араб выскакивает как чёрт из бочки. Фанатик хренов. Потом в его карманах билет на самолёт «Тбилиси – Стамбул» нашли, шприц, наркотой заправленный, тысячу рублей, патроны такой же серии, как мои, не варёные – стреляющие, какая-то сволота продала... Меня не заметил. Орёт: «Аллах акбар» и швыряет гранату в машину. Хорошо, пустая была. И разворачивается к палатке со второй гранатой. Я про туалет забыл, в грудь арабскую из автомата засадил. Наповал. После чего сел и закурил. А самого колотит. Ведь знаю – не человека, врага застрелил, а вот...

– Куришь, гляжу, в кулак огонёк прячешь.

– Не могу отвыкнуть.

– Я, считай, шестьдесят лет не могу.

Заглянула с контролем дочь деда Петра Елена. Всегда насмерть боролась с гаражными посиделками, но на встречу ветеранов не зашумела. Хотя мужики сидели не абы как, смазывали языки беседы сорокоградусной жидкостью.

– Вовремя приспичило, – сказал Женья, – так бы всех в ключья...

– Как-то раз ходили за языком. Немецкий офицер, не хуже тебя, из землянки выскочил по естественным нуждам, только присел-расслабился, я его хоп. Иди сюда. Так он, гад, всю дорогу, расстреляй меня комар, в штаны продолжал. Ребята смеются: «Петро, не мог подождать, пока засранец опростается?» А кого ждать? Там секунды решают. Но тащить вонялу мне пришлось. Зато потом командир похвалил. У немца не только в заднице, в голове тоже кое-что нашлось.

Ветераны закусывали варёной колбасой и малосольными огурцами.

– С кормёжкой как обстояло дело? – спросил дед Петро.

– Столько овсяной каши съел – стыдно лошадям в глаза глядеть! – заулыбался юный ветеран. – Изредка случался на нашей улице праздник – барана раздобудем. Раз доброго ребята притащили, привязали на хоздворе, а он не захотел в солдатский котёл. Сбежал. Мы напротив отряда Хаттаба стояли. Каких-то четыреста метров разделяли. Мы хватились: где баран? Да не до свежинины стало – над головой пули полетели. Нашего стрелка, Витю Солодухо, ранило. Командир роты на его место в БМП залез, из пушки садит. Мы под бронёй с автоматами. Вдруг наш баран из зелёнки выскакивает, глаза квадратные, мечется... Ошалел от грохота... Кореш мой, Лёнька Раков, прикладом по броне затарабанил: «Товарищ капитан, товарищ капитан, баран там!» – «Какой, мать вашу, баран? – ротный изнутри орёт. – Как бы в прорыв не пошли! Это война, а не бирюльки!» Мы – долой войну! Начали вести огонь в сторону еды. Такое упитанное богатство боевикам отдавать. Завалили. Два смельчака под огнём поползли за ним.

Когда перестрелка закончилась, ротный вылезает из БМП. «О, баран! Хорошо! – руки потирает. – Отрубите-ка мне его задние ноги!» – «Ага, – обломали ему аппетит наполовину, – раз не разрешали стрелять в него, только одну дадим».

– Правильно, а то ишь – разогнался! – дед Петро заправил в мундштук сигарету. – А мы раз учудили! Были у нас один другого хлеще кадры: Митька Жиров (в деда-прадеда бандюга) и Борька Оборвись – с Митькой два сапога пара. В сорок четвёртом они к Рокоссовскому удрали.

Тот всех жуликов подбирал! В сорок третьем, ещё перед Курской дугой, на Первое мая выдали в честь праздника по двести граммов водки. Мы на Калининском фронте истощали вконец. Мясо получали бычками, тёлками. Сами пасли. Расчётами ходили зелень собирать: щавель, листья липы. Витамины, говорят. А нам бы мяса да хлеба вместо этих витаминов. Выпили свои наркомовские, Митька говорит: «Ещё хочешь?» – «Откуда?» – спрашиваю. «Сейчас принесу!» – и показывает на штабную машину крытую, что у дома стоит, в котором командир части живёт. Часовой охраняет. Замок. Пломба. И ведь принёс. Часовой, конечно, не строевой шаг вокруг печатает. И не как заведённый кругами бегаёт. Вот у дверцы кабины постоял, у капота тормознул. Митька шаст с другой стороны. Раз-раз: замок открыл, пломбу отогнул и внутрь. Пару бутылок водки и американскую резаную колбасу в баночках схватил, пломбу на место поставил. Шито-крыто. Во, рукодельник! А в тот раз Борька Оборвись подбил нас учудить.

И дед Петро начал рассказывать историю из боевого прошлого. Борис почему «Оборвись»? По документам он Васюков. Да пройда, каких свет не видывал. Развесёлый красавец, и язык минуты не помолчит. Как затишье на фронте, по снабжению его привлекали. Бычка в деревне получить, картошки для части привезти. Всё достанет и сверх того успеет. Любому в душу влезет, не мытьём, так катаньем уговорит. И провиант добывал, и зазнобы в каждом населённом пункте. Уедет из части, так с концами. Оборвись одно слово.

В сорок четвёртом на Украине разжился мешком трофейного сахара. В селе Лыповец сговорился с одноруким председателем колхоза: тот зарежет быка на благо Красной армии и получит официальную бумагу, куда девалась скотинка. Из немецкого сахара председатель по уговору должен сделать хохляцкую самогонку. Половину мешка берёт за работу, из второй сладкой части ставит бражку и гонит на благо отдельных представителей всё той же доблестной армии веселящий душу и дурмящий голову продукт. На него официальная бумага, само собой, не выдаётся. Тут полюбовное соглашение. Но если напиток получится хороший, вдобавок к сахару Борька Оборвись страшно дефицитной соли обещал отсыпать. Немцы её для гражданского населения не завозили, нашим тоже было не до неё. А без соли жизнь у местного населения совсем несладкая.

В миролюбивые планы вклинились боевые действия. Противник вытеснил Красную армию из Лыповец раньше, чем бражка вызрела. И быка только полтуши Борис Оборвись забрать успел, а как за второй собрался – немец в наступление двинул.

Борис ругался, обзывал немцев гадами, не хотел мириться с потерей.

И вдруг как-то вечером говорит:

– А поехали заберём! Поди, выгнал чёрт однорукий. И полбыка должен мне. Немчуре, что ли, оставлять?

– Ни хрена себе заявочки на длинной палочке! – удивился Митька Жиров и напомнил однополчанину географию боевых действий. – Там же линия фронта! Нарвёмся на окопы!

– Не будут они зимой копать! Проскочим по темноте. Я дорогу, как у себя под носом, знаю, сколько раз мотался, пока под нами село было.

Километров пять отделяло героев от передовой, столько же в тыл до самогонки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.